

13 июня. 11-й год от рождения Сасори.

Страна Ветра.

Я решил, что мое новое убежище будет полностью отрезано от внешнего мира. Оно находится глубоко под землей. Ни окон... Ни дверей... Сюда даже свет и воду не провести. В общем, никаких удобств, но жить я здесь и не собираюсь. Вырыта эта пещера буквально у всех под носом, в паре километров от Суны. Единственный способ попасть сюда — освоить подходящую пространственную технику, а владеют ими лишь единицы. Найти это место, не зная о его существовании, тоже практически невозможно. Хируко постарался на славу, пробиваясь в самую глубь земной коры, пока я обдумывал свой план.

Я наспех закинул сюда все свитки и книги, хранившиеся в секретной секции архива Деревни Песка, одолжив их на неопределенный срок, а в самом центре пещеры стояли вещи моей покойной бабули, которые я возвращать не собирался. И еще... тот проклятый чайник. Я так и не решил, как мне следует с ним поступить.

«Я не могу поместить Ичиби в свое тело. Когда-нибудь мне все равно придется его извлечь, а это обычно приводит к смерти носителя. К тому же Шукаку самый безумный из девяти хвостатых зверей, а волшебной силой убеждения, как Наруто, я не обладаю. Не хочу создавать себе проблемы на пустом месте. Выпускать Ичиби на волю, ради спасения души Чие, не найдя для него новый сосуд... нельзя».

«Янтарный Горшок Очищения — единственный подходящий предмет, о котором я знаю хоть что-то, не считая базовых свойств артефакта. Последний раз Кохаку («Янтарь») применили лет пять назад для того, чтобы подавить буйство Хачиби. Значит, горшок сейчас хранится в Деревне Облака. Вот только никто не отдаст бесценную вещь врагам по доброте душевной. Я, конечно, мог бы просто вломиться в Кумогакуре и попытаться забрать их самое охраняемое сокровище силой, но мне придется потратить время на обход неизвестных мне защитных систем, а сражение с Сандайме Райкаге в его лучшие годы — самоубийство, даже для жулика-попаданца, вроде меня...»

«Да уж. Не стоит сейчас даже думать об этом. Сперва я должен прочесть книги Чие и изучить ее заметки, раз уж решил взять их с собой».

Два дня спустя.

Киндзюцу, созданное моей бабушкой, позволяет пользователю навсегда передать свою жизненную силу любой цели через прямой контакт. Но, когда твоя физическая и духовная энергия наполнит куклу, труп или какой-то предмет, привязав к нему призванную из чистого мира душу, ее место займет твоя. Эту силу можно использовать и для исцеления критических ранений, вот только израсходованная энергия будет потеряна навсегда. Если же ниндзя имел огромные запасы чакры при жизни, твоих сил может и вовсе не хватить на то, чтобы вернуть

его в прежнем виде.

Умирать я, конечно, не собираюсь. Но, если схватить несколько вражеских шиноби с приличным запасом энергии и взять их под контроль, как я и планировал с самого начала, ничем не рискуя, я смогу воскресить кого угодно, отдав ему всю жизненную энергию выбранных жертв.

«Ниндзя постоянно гибнут даже в мирное время, сражаясь друг с другом из-за всякой ерунды. Почему бы мне не использовать их в своих целях? Раз уж они добровольно решили ступить на этот путь...»

Для боя эта техника не годится, в отличие от Эдо Тенсей («Нечестивое воскрешение»). Я получу не бессмертного воина, имеющего бесконечный запас чакры и лишённого свободы воли, а ожившего мертвеца или упрямую куклу, которая из-за своих «хотелок» не будет покорно исполнять мои приказы.

Но на многие вопросы ответа здесь я не нашёл.

«Сработает ли эта техника на людях, которые умерли несколько лет назад? Как долго они проживут? Смогу ли я исцелить их изувеченные тела? Сколько энергии для этого нужно? Я не знаю и то, получится ли у меня силой заставить кого-то применить Кищюо Тенсей, а о последствиях такой ошибки даже думать не хочется».

Я хотел оказать Цунадэ услугу, вернув Дана и Наваки с того света. По всей видимости, сделать это правильно будет непросто. Лучше не говорить ей об этом до тех пор, пока я не буду полностью уверен в результате.

Если бы я не узнал о буйстве Шукаку, то уже давно вернулся бы к Сендзю и Шизуне. Но я не могу сходу определить расстояние до каждой печати — их у меня слишком много, — а перемещение к одной из самых отдалённых с другого конца земли отнимет у меня слишком много энергии. За пару прыжков попасть туда намного легче, нужно лишь найти мой кунай. Надеюсь, эта дуреха не потеряла его после очередной пьянки.

Но меня не покидают мысли, что я забыл о чём-то не менее важном. Эх, если бы я знал, как долго мне придётся пробыть с Хамурой в том странном измерении, давно завёл бы ежедневник.

16 июня.

Страна Снега.

Сироюки.

Даже летом климат в северной части страны был очень холодный, а снег лежал на обледеневшей земле круглый год, затрудняя движение не только животным и людям, но и сухопутному транспорту. Самым надежным вариантом для людей, желающих покинуть этот регион, были морские паромы, на голову опережающие свое время. Суда заходили в ближайший порт всего два раза в месяц, из-за чего на проездные билеты всегда возникает высокий спрос.

Смотря на выходящий из гавани пассажирский корабль, Цунадэ нервно закусила нижнюю губу, постукивая пальцами по складному столику, стоящему возле замершего окна в ее гостиничном номере.

«Дура... Дура... Дура!» — выругалась она, стукнув кулаком по столу, но, похоже, так и не извлекла из этого случая урок. — «На красное надо было ставить! Я ведь могла сорвать огромный куш, не потратив ни одного Рё...» — подсчитав в уме свой «нереальный» выигрыш, Цунадэ невольно улыбнулась во весь рот, но ее позитивный настрой исчез так же быстро, как и появился. — «Ну и где этот **** малолетний, а?! Втихаря запечатал почти все мои деньги и свалил в неизвестном направлении! «Не умею я финансами распоряжаться!» Да пошел ты на ***, Сасори!»

— Смотрю я, ты сегодня не в духе.

Услышав знакомый голос у себя за спиной, Цунадэ резко вскочила со стула, издав яростный крик, и задрала левую ногу вверх для удара.

— А я как раз тебя вспоминала, мелкий засра!.. нец, — завопила она, готовясь устроить ему хорошую взбучку, но, увидев перед собой смазливового подростка, зачем-то носящего на глазах плотную повязку, нечаянно прикусила язык. Он был на голову выше нее и выглядел лет на пятнадцать, если не старше.

— Я тоже рад тебя видеть, Цунадэ, — Сасори без труда схватил ее за ногу, не дав себя ударить, и приветливо улыбнулся.

Оправившись от минутного шока, она решила больше не нападать на него и, высвободив ногу из захвата, отступила на пару шагов назад. Собравшись с мыслями, Цунадэ переключила внимание на более важные вещи.

— Это ведь не Хенге но Дзюцу... — она хмурилась, разглядывая Сасори с задумчивым видом.

— Думаю, всему виной наша новая техника, — сказал он, не дав ей договорить.

— А-а-а?! Нет! Не может быть! — вскрикнула Цунадэ, схватившись обеими руками за голову. — Я стану старухой, если активирую бьякуго?

— Ха-ха. Ну, это вряд ли, — ее реакция показалась ему забавной. — Это лишь одна из ряда возможных причин. Я и сам не знаю, почему мое тело стало таким. Не стоит из-за этого переживать.

— Я не могу так рисковать! — красота в списке ее приоритетов стояла даже выше, чем алкоголь и азартные игры. — Дай-ка мне на тебя взглянуть! Я должна изучить этот феномен как можно скорее!

«Она ведь все равно сделает это, пока я буду спать?»

— Ладно, — сказал Сасори, стягивая с себя лишнюю одежду. — Но я и сам уже все проверил, и не раз.

«У него такие красивые глаза», — она сразу же обратила на них внимание, когда он снял повязку. Цунадэ прекрасно понимала, что ему пришлось кого-то убить или искалечить, чтобы забрать их себе, но ее это не особо волновало.

Сев на стул и развернув его к стене, Акасуна подозвал Цунадэ к себе, дав ей знак начинать осмотр. Подойдя к парню впритык, она закрыла глаза, задержала дыхание и, положив обе руки ему на спину, направила туда немного своей внутренней энергии. Эта способность существенно отличалась от той, которой пользовался ее ученик и рядовые ниндзя-медики. Цунадэ могла исцелить не только тело, но и душу, если повреждения были не критичными.

«Он стал... другим? Все показатели в норме. Но почему-то я не могу определить количество стволовых клеток в его организме, как и возраст Сасори, а эта система циркуляции выглядит как-то странно», — заглянув глубже, Цунадэ оказалась в бескрайнем пустом пространстве, не обнаружив там его души. Сендзю не пробовала найти ее в прошлом, поскольку Акасуна ранее не получал серьезных травм, поэтому приписала эту проблему к общему списку изменений.

Она никогда не видела ничего подобного и, не найдя другого объяснения, выдвинула безумную гипотезу: «Новое тело Сасори — живая кукла, которую он каким-то образом контролирует?» — ей эта мысль показалась уж слишком бредовой. — «Да быть такого не может! Должно быть, здесь какая-то ошибка».

— Ну как, ничего не нашла? — спросил Акасуна, заметив, что Цунадэ проводит осмотр слишком долго.

— Да, ничего... Одевайся, — сказала она, вернувшись к столику у окна. — Ах, и еще кое-что! — сложив руки под грудью и задрав голову вверх, Цунадэ ни с того, ни с сего заорала на Сасори: — Сними печать с моего багажа, придурок! У меня ни гроша в кармане не осталось!

— Я сделал это ради твоего же блага. В нем и мои деньги тоже, если ты не забыла. А я не хотел загонять тебя в долги, — сказал он, поднимая с земли кожаный кейс, который Цунадэ всегда держала при себе.

— Сасори, ты же хорошо меня знаешь, — она слегка наклонила голову набок и дружелюбно улыбнулась, пытаясь держать себя в руках. — Должен был сообразить, что не стоит делать такие ужасные вещи.

Сняв печать с кейса, он забрал из него пару свитков хранения и нехотя бросил остальное к ногам Цунадэ, решив немного поглумиться над ней.

— Да, ты права. Надо было забрать все деньги с собой от греха подальше. Ты ведь и сам кейс могла проиграть.

Сасори работал только с реальными людьми, а Цунадэ могла войти в кураж и спустить все свое состояние в игровых автоматах, если долго оставалась одна.

— Я сделаю вид, что не слышала этого! — взяв с собой один свиток, она задвинула свой кейс под стол и, накинув теплое пальто, вышла из гостиничного номера, намереваясь провести весь вечер в баре.

Сасори давно заметил девочку, стоящую возле стены, разделяющей их комнаты, но не подавал виду, пока Цунадэ не ушла.

— Я не люблю, когда за мной шпионят, Шизуне, — сказал он, даже не смотря в ее сторону.

Услышав его слова, девочка застыла на месте, прикрыв раскрытый рот руками, и старалась не издавать больше ни звука. По ее щекам пробежали капельки пота, упав на широкий комод для обуви, на котором она стояла. Дыхание сбилось, а сердце стучало как бешенное. Шизуне всегда испытывала легкий дискомфорт в присутствии Сасори, но сегодня это чувство усилилось в сто крат. Она интуитивно ощущала от него зловещую ауру.

— Но я дам тебе совет, — добавил он, легонько постучав по стене рукой. — Полученная информация не будет иметь никакой ценности, если ты не сможешь сбежать от объекта слежки, оставшись незамеченной, и использовать ее против него.

17 Июня.

Конохагакуре но Сато.

Обыскав всю деревню вдоль и поперек, Гамаден застал Белого Змея стоящим посреди моря надгробных плит на местном кладбище. Орочимару приходил сюда временами, когда хотел остаться наедине со своими мыслями. Здесь были похоронены не только его родители, но и многие шиноби, служившие под началом Легендарной Троицы, а рядом с идолом «Воли Огня» стояло еще два надгробия: «Дан Като» и «Наваки Сенджу». По воле случая Белый Змей стал

свидетелем всех этих смертей, после чего решил полностью отказаться от любых земных привязанностей, бросив все силы на осуществление своей детской мечты: сбросить с себя оковы хрупкого человеческого тела, чтобы жить без страха и сожалений, занимаясь любимым делом.

Почувяв близости жабу-ниндзя, Орочимару не стал ждать, пока посланник решится подойти к нему сам, и забрал письмо, оказавшись у Гамадена за спиной. Змей давно понял, кто отправил ему весточку, но не знал зачем. Гонец не стал ничего говорить, смиренно ожидая ответа.

Прочитав всего несколько строк, Орочимару не смог сдержать иронический смех и решил не изучать содержание письма до конца.

— Ум-хм-хм... Джирайя... А ты все тот-же! — подметил он, бросив небрежно свернутый свиток обратно Гамадену, и добавил: — Я не знаю, где Сасори сейчас, но в Деревню Песка он точно не возвращался. Скажу лишь, что ожидать от него можно чего угодно, ведь он не тот, за кого себя выдает.

«Жаль, что я не смог узнать ее формулу», — подумал он, вспоминая крикливого мальчика из Суны, пойманного им в Лесу Смерти незадолго до окончания второго этапа экзамена, недавно проходившего в Конохе.

Змей с трудом смог отыскать печать в его голове, даже зная о ее существовании. Не найдя другого способа, Орочимару решил удалить все иглы из мозга Комуши, выполнив сложную хирургическую операцию, чтобы снять печать. Это ни на шаг не приблизило его к освоению хидендзюцу, созданного Сасори, но позволило узнать не мало интересных подробностей о его заклятых друзьях из Суны во время допроса.

«Ни за что не поверю, что восьмилетний ребенок, живущий в одной из самых отсталых в научном плане стране, сумел бы создать нечто подобное, каким бы одаренным шиноби он ни был...»